

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(декабрь 2009 г. – апрель 2010 г.)

**■ Альберт Зульхарнеев. ИНДЕКС *iSi* В ЯНВАРЕ–АПРЕЛЕ 2010 Г.:
НОВЫЙ ГОД БЕЗ ОПТИМИЗМА**

**■ Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ТЕАТР АБСУРДА**

**■ Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

**■ Даян Джаятиллека, Андрей Кортуннов, Уильям Поттер,
Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Константин фон Эггерт.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Осенью 2009 г. Индекс международной безопасности *iSi* вырос на 55 пунктов и достиг 2930 пунктов – самой высокой отметки с июля 2008 г. В обзоре за этот период мы указывали, что рост Индекса связан с двумя причинами: первое – отсутствие серьезного ухудшения в основных конфликтных зонах, и второе, что обусловило именно рост, – наличие намерений сдвинуть решение этих проблем. Согласно методологии Индекса, планы на будущее сами по себе не принимаются в расчет, если они не влияют на текущее состояние международной среды. Но осенью позитивные политические заявления и декларации способствовали смягчению международного климата, а значит, и росту Индекса. С декабря Индекс снижается. Положительные ожидания, появившиеся в 2009 г., мало где себя оправдали: обостряется ситуация на Ближнем Востоке, растет напряжение вокруг Ирана, интенсивные боевые действия продолжаются в Афганистане и на севере Пакистана, не спадает температура в Северо-Восточной Азии, вновь стал актуальным раздражающий фактор американской ПРО в Восточной Европе. Еще более весомой причиной снижения Индекса стали природные катастрофы – землетрясения на Гаити и в Чили. 1 декабря Индекс составлял **2930** пунктов, 1 января – уже **2912**, к февралю снизился снова до **2908**, 1 марта поднялся до **2914** пунктов, а 1 апреля составил **2901** пункт.

- **Иран** 7 февраля заявил о новом продвижении в развитии своей ядерной программы – намерении обогащать уран до 20% и планах построить десять новых заводов по обогащению урана. 18 февраля вышел очередной доклад генерального директора МАГАТЭ, согласно которому Иран не идет на необходимое для прояснения ситуации сотрудничество и продолжает не выполнять резолюции Совета управляющих МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН.

Израиль требует парализующих (травмирующих) санкций, США продлили на год действие своих санкций и предлагают усилить международные. Уже сейчас Вашингтон ведет активную и небезрезультатную работу как с крупными компаниями, так и со своими партнерами, в том числе в регионе Персидского залива, обеспечивая возможность для более эффективного воздействия на Иран. В марте прекратили поставки бензина в Иран несколько компаний, включая крупные европейские *Shell*, *Trafugura*, *Glencore International AG* и *Vitol*, но продолжают торговлю другими крупными поставщиками. ЕС собирается ввести санкции в одностороннем порядке, если не будет принято общее решение СБ ООН. Россия готова присоединиться к умным санкциям. Китай пока против. Напряжение вокруг Ирана растет, и это отрицательно сказывается на глобальной безопасности.

- **Афганистан–Пакистан.** Террористическая и военная угроза со стороны движения *Талибан* остается сильной, свидетельством чему стало нападение боевиков на центр Кабула 18 января. США и союзники стремятся перехватить инициативу в свои руки. 28 января в Лондоне состоялась международная конференция по Афганистану, на которой было решено, что в течение пяти лет национальные силы безопасности Афганистана получат полный контроль над обстановкой в стране, а финансовая помощь будет зависеть от успехов в борьбе с коррупцией. С 12 февраля коалиционные

 В марте 2010 г. ПИР-Центр и Издательский дом *Коммерсантъ* начали совместную публикацию показателей Индекса международной безопасности *iSi* на страницах газеты *Коммерсантъ*. Новая цифра *iSi*, отражающая изменение состояния безопасности за прошедшую неделю, и небольшой пояснительный комментарий теперь каждый вторник открывают полосу *Коммерсанта*, посвященную мировой политике. В интернете еженедельные показатели *iSi* можно найти на сайте газеты www.kommersant.ru

силы (ИСАФ) и афганская армия провели операцию *Моштарак* (вместе), которая и должна продемонстрировать способность правительственных сил активно бороться с талибами. Цель операции – поставить под контроль официального афганского правительства центр южной провинции Гельменд. Предполагается, что вслед за успешной военной операцией последуют усилия по наведению порядка и созданию условий для повышения уровня жизни населения, что должно стать залогом успеха.

 Азер Мурсалиев, главный редактор газеты *Коммерсантъ* – по телефону из Москвы: «Теперь у наших читателей появится возможность следить и за изменениями мировой безопасности – благодаря индексу *iSi*. Я надеюсь, Индекс станет большим, успешным, долгосрочным проектом и будет расширяться».

Интенсивные боевые действия идут и на территории Северо-западной пограничной провинции Пакистана. Американские беспилотные летательные аппараты наносят здесь удары, правительственные войска Пакистана ведут наступление, взяты под контроль несколько районов, которые ранее контролировались талибами, убиты несколько командиров отрядов движения и десятки боевиков. Но растет и число жертв среди мирного населения.

□ **Ирак.** 7 марта в Ираке прошли парламентские выборы. В период избирательной кампании отмечен рост числа терактов, наиболее крупными из которых стали взрыв в городе Рамади 30 декабря, серия взрывов в Багдаде 25 января и обстрел шиитского центра Кербелы 5 февраля. По итогам выборов ни одна из коалиций не смогла сформировать правительство самостоятельно. Премьер Ирака и лидер одного из ведущих блоков *Государство закона* Нури аль-Малики требует пересчета голосов. Политическая ситуация в стране грозит дестабилизироваться.

□ **Ближний Восток.** Тщетными оказались усилия американской администрации, квартета посредников, арабских и других международных участников ближневосточного процесса по налаживанию как внутрисредиземноморского, так и палестино-израильского диалога. В начале февраля было объявлено о возможности возобновления переговоров между Палестинской национальной администрацией и Израилем, что было поддержано Лигой арабских государств. Но заявление Тель-Авива 9 марта о новом строительстве в Восточном Иерусалиме вызвало бурю негодования в регионе и негативную реакцию международного сообщества, включая США. Непрямые переговоры были сорваны. Израильская авиация продолжает наносить удары по отдельным объектам в секторе Газы, откуда происходят обстрелы израильской территории.

□ **Йемен.** 25 января лидер шиитского движения *Аль-Хути* заявил о прекращении боевых действий против Саудовской Аравии, 12 февраля достигнуто соглашение о прекращении огня на севере Йемена между движением и правительством страны, 19 марта президент Йемена Али Абдалла Салех объявил о завершении войны с повстанческим движением, с осени 2009 г. негативно влиявшим на состояние региональной безопасности.

Развитие ситуации в Йемене могло бы стать позитивным фактором, но обострилась ситуация в другом районе этой страны. Началось выступление сепаратистского *Движения Юга* в провинции Ад-Далиа. 28 февраля здесь было введено чрезвычайное положение.

На встрече в Лондоне 27 января по ситуации в Йемене участники, ведущую роль среди которых играют США и Великобритания, договорились усилить поддержку антитеррористической программы правительства Йемена.

□ **Россия–США.** Всю зиму Россия и США вели переговоры и консультации по новому договору о сокращении стратегических наступательных вооружений. Дого-

вор был подписан 8 апреля накануне саммита по ядерной безопасности. Положительно на Индексе сказались само продолжение переговоров, стремление сторон прийти к договоренности, сохранить новый характер отношений. Оценит ли мировое сообщество вклад ведущих ядерных держав в дело разоружения, станет известно в мае – на Конференции по рассмотрению ДНЯО.

Для вступления в силу договор должен быть ратифицирован, и здесь предстоит немало сложностей, в первую очередь, в связи с планами по размещению элементов ПРО, теперь уже в Румынии, Болгарии и Турции. С российской точки зрения, деятельность США в сфере ПРО не только подрывает состояние стратегической стабильности, но и становится угрозой региональной безопасности в Черноморском регионе.

- ❑ **Северо-Восточная Азия.** Возросла напряженность в этом регионе. 15 января КНДР отказалась вести переговоры с Сеулом в ответ на принятие последним плана действий в случае нестабильности в Северной Корее. 27 января стороны обменялись артиллерийскими выстрелами в Желтом море. 9 марта Северная Корея привела свои войска в повышенную боевую готовность в связи с проведением американо-южнокорейских учений.

Ухудшились отношения между США и Китаем. В декабре было объявлено о поставке американских комплексов ПВО *Patriot* на Тайвань, на что 30 января Пекин приостановил диалог с США по военным вопросам. Во второй декаде января разгорелся интернет-скандал, когда компания *Google*, поддержанная правительством США, отказалась выполнять китайские требования по регулированию интернета. 14 марта китайский премьер Вэнь Цзябао резко отвел обвинения западных экспертов в занижении курса юаня. Осложнение отношений Китая с Западом может негативно отразиться на решении иранской, северокорейской и других мировых проблем.

- ❑ **Постсоветское пространство.** Проведение выборов президента в Украине стало фактором, который в значительной степени сказался на улучшении состояния региональной безопасности. Результаты, по которым главой государства стал лидер оппозиции В.Ф. Янукович, юридически подтверждены и признаны международным сообществом. Тем не менее, разрыв между ведущими кандидатами составил не более 3,5%. Более того, в большинстве регионов (17 из 27) лидером оказалась проигравшая выборы по стране Ю.В. Тимошенко. Политическая борьба отнюдь не закончена, но ее влияние на состояние региональной безопасности и отношение России со странами Запада снизилось.

Растет напряжение в отношениях между Казахстаном и Узбекистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Киргизией, с другой, в связи с планами последних по строительству новых крупных ГЭС.

- ❑ Целый ряд стран **Африки** зимой 2010 г. оказался в состоянии внутренней политической нестабильности или вооруженного противостояния. В Сомали боевики-исламисты продолжают нападения на силы миротворческой миссии Африканского союза. Сотни человек стали жертвами очередной межрелигиозной резни в нигерийском городе Джосе. В самой Нигерии разгорелся политический кризис. В связи с попыткой отстранения от власти президента и новыми нападениями на нефтяные объекты заявило о себе *Движение за освобождение дельты Нигера*. 18 января произошел военный переворот в Нигерии. Проходят антипрезидентские демонстрации в Того и Кот-д'Ивуаре, на грани распада коалиция в Кении.

Положительным фактором стало начало перехода к гражданской форме правления в Гвинее. Также положительно на Индексе отразилось и подписание соглашения о прекращении огня между основной повстанческой группировкой Дарфура *Движением за справедливость и равноправие* и правительством Судана. Тем не менее, в начале марта столкновения возобновились и привели к многочисленным жертвам.

Весомое негативное влияние на состояние глобальной безопасности оказали крупные природные катастрофы, прежде всего, серия землетрясений на Гаити 12 января, число погибших от которых достигает 200 тыс., а оставшихся без крова – 3 млн человек. По всему миру идет сбор средств на восстановление страны. 25 января в Монреале состоялась встреча *Группы друзей Гаити*, на которой были сформулированы принципы оказания международной помощи этой стране.

Альберт Зульхарнеев

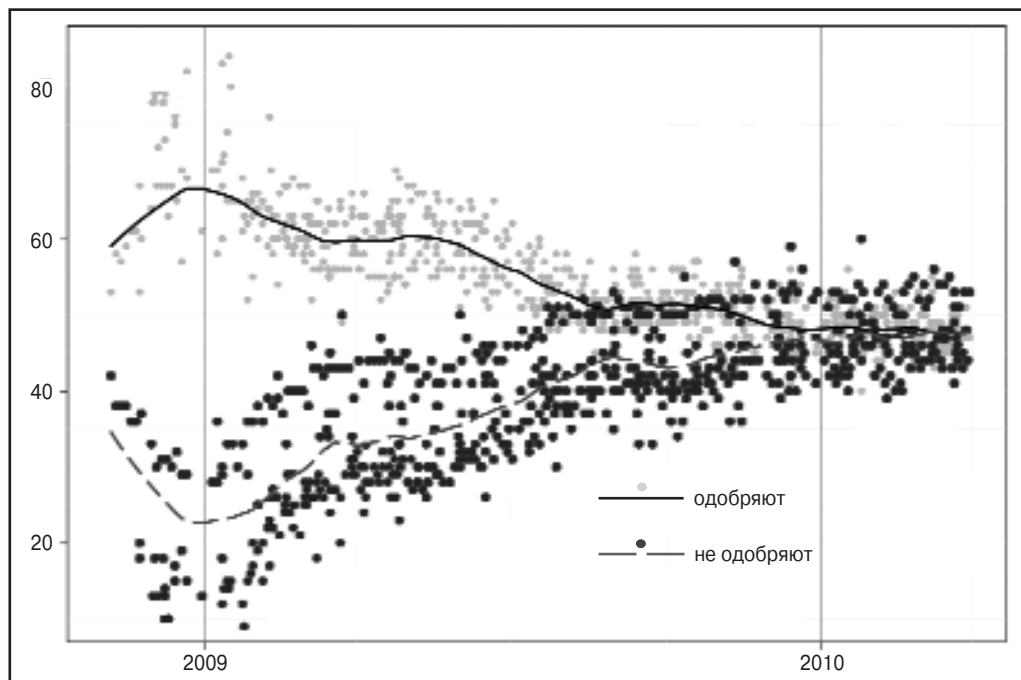
ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ТЕАТР АБСУРДА

Поклонники театра абсурда и вообще просвещенные интеллектуалы любят вслед за Эженом Ионеско цитировать шекспировские строки о том, что жизнь – это «история, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, лишённая всякого смысла»¹. Если заменить слово *жизнь* словами *международные отношения*, то получится более или менее точное описание мировой политики в начале XXI в.

ФЕНОМЕН БАРАКА ОБАМЫ: НАЧАЛО КОНЦА ИЛИ КОНЕЦ НАЧАЛА?

В начале 2009 г. многие политики и общественное мнение испытали чувства облегчения и оптимизма. Вместо вызывавшего раздражение Джорджа Буша-младшего в Белый дом пришел новый, как тогда казалось, динамичный и харизматический лидер, способный революционным образом изменить американскую политику и, тем самым, решить наиболее острые и опасные проблемы современности. Правда, ключевой вопрос о том, что, собственно, означают революционные перемены и нужны ли они вообще, предпо-

Рисунок 1. Одобрение общественным мнением деятельности Барака Обамы на посту президента США³

М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С Ы

читали не задавать. Разговоры о таких переменах были с надеждой встречены в российском МИДе. Например, А.М. Крамаренко, директор Департамента внешнеполитического планирования МИД, сообщил, что «все будет зависеть от реального революционного потенциала новой администрации, включая решимость идти по пути демилитаризации и деидеологизации внешней политики»². Иными словами, А.М. Крамаренко рекомендовал президенту Обаме сократить американскую военную мощь и отказаться от ценностного подхода к международным делам, что именовалось *деидеологизацией*.

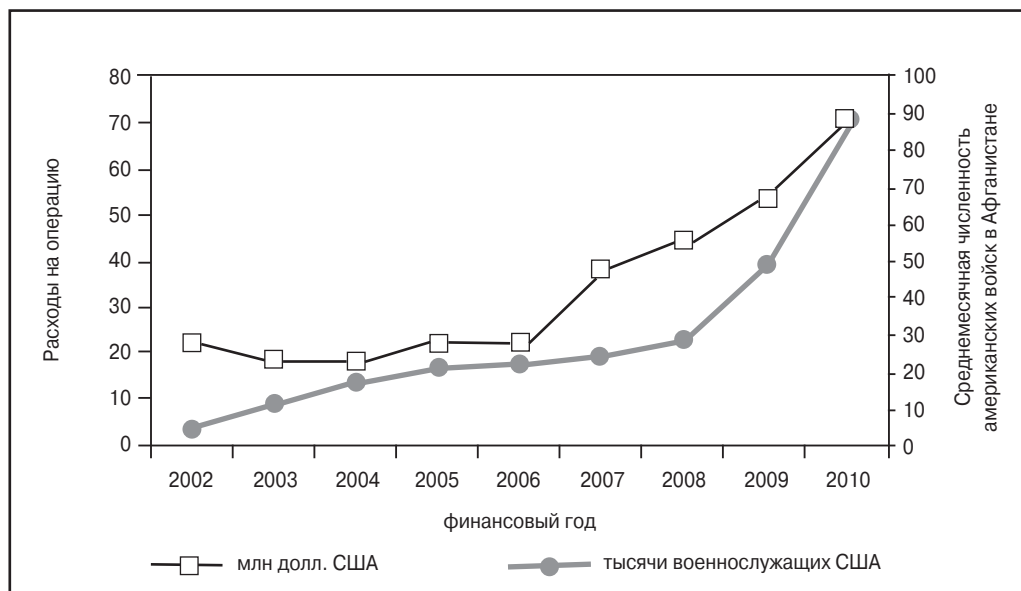
К весне 2010 г. настроения изменились. Американское общество все сильнее разочаровывается и в самом президенте США, и в проводимой им политике. В марте 2010 г. доля американцев, которые не одобряют деятельность президента, сравнялась, а по некоторым данным, стала превышать долю тех, кто эту деятельность одобряет. Усредненные результаты опроса, проведенного 16 марта 2010 г., показали, что соответствующие цифры составляют 49% против 46,7%. Многие считают, что падение рейтинга Барака Обамы вызвано планируемой реформой здравоохранения. На первый взгляд, она позволяет несколько снизить затраты на медицинское страхование для сравнительно крупных социальных групп. Вместе с тем, ее осуществление приведет к сужению возможностей для подавляющего большинства населения выбирать наиболее приемлемые для каждого планы и программы медицинского страхования и обслуживания, а также усилит государственное регулирование в здравоохранении. Зачастую это воспринимается как некий вариант *социализма с американским лицом*, который вызывает в США вполне понятную аллергию.

Нередко утверждают также, что падение популярности Барака Обамы стало неизбежным следствием так называемых *сверхожиданий*, порожденных сменой администрации в Вашингтоне. Многие ждали, что новый президент в кратчайшие сроки решит накопившиеся в стране и мире проблемы. И когда чудо не состоялось, наступило вполне закономерное разочарование, что может в определенной мере объяснить смену массовых настроений. Но политический класс и элитные слои США не могут не замечать, что внешняя политика страны в 2009 г. фактически потерпела провал. Единственным успехом можно считать присуждение президенту Обаме Нобелевской премии мира, хотя понятных оснований для этого не было.

Соединенные Штаты смогут в 2010 г. заметно сократить военное присутствие в Ираке. Это может высвободить ресурсы, необходимые для эффективной деятельности на других направлениях мировой политики. Однако положительный эффект постепенного ухода из Ирака сводится к нулю в результате все более глубокого втягивания в безнадежную войну в Афганистане. Робкие попытки ввести эффективные санкции против Ирана срываются Россией и Китаем. Нарастает неопределенность в отношениях Соединенных Штатов с союзниками по НАТО и Японией, являющихся ключевыми звеньями современной международной системы.

Единственная более или менее внятно сформулированная новация, так называемая *перезагрузка* отношений с Россией, оказалась несостоятельной. Москва рассматривает *перезагрузку* как безусловное согласие США с российскими требованиями по ПРО, некоей *новой архитектурой европейской безопасности*, а также с признанием новых независимых государств бывшего СССР зоной своих интересов. Эти требования, возможно, приемлемы для наиболее радикальных сторонников революционных перемен в стратегии США на мировой арене. Но их в Вашингтоне все-таки меньшинство. И, тем не менее, ответ на вопрос, являются ли неудачи Барака Обамы и его администрации началом необратимого провала, как во внутренней, так и во внешней политике, или же в Вашингтоне способны извлечь уроки из неудач, остается открытым. Ясно, однако, что если нынешняя линия останется без изменений, то международная политика США окажется в серьезном кризисе, преодоление которого будет тем тяжелее, чем позднее начнется ее пересмотр.

Рисунок 2. Численность войск и расходы США в Афганистане в 2002–2010 гг.⁵

АФГАНИСТАН: СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ВИДЕН

Похоже, наибольшие сложности для США создает война в Афганистане. Она сковывает крупные военные ресурсы и требует многомиллиардных финансовых затрат. После смены администрации в январе 2009 г. вовлеченность США в эту войну резко возросла. В начале 2009 г. численность американских войск в Афганистане составляла около 40 тыс. человек. В марте 2009 г. Белый дом принял решение о направлении в Афганистан 21 тыс. военнослужащих, а в конце ноября 2009 г. – еще 30 тыс. солдат и офицеров. Таким образом, в 2010 г. американский контингент в этой стране достигнет 90–95 тыс. человек, увеличившись более чем вдвое⁴.

Растут расходы на операции в Афганистане. В 2009 финансовом году, бюджет которого формировался предыдущей администрацией, они составили примерно 55 млрд долл. А в 2010 финансовом году на эти цели было запрошено уже почти 73 млрд долл., что превысило средства, запрошенные на обеспечение действий американских войск в Ираке.

Решение о направлении в Афганистан дополнительно 30 тыс. военнослужащих увеличивает и без того впечатляющие ассигнования на войну в этой стране. Меняются также задачи вооруженных сил, действующих в рамках операции *Enduring Freedom*. Вместо поиска и уничтожения боевых групп и отрядов противника они должны будут заняться, главным образом, обеспечением безопасности в районах, где сосредоточены крупные группы населения, прежде всего, городского. Предполагается, что это позволит, в конце концов, укрепить позиции центрального правительства, выиграть время, создать условия для наращивания численности и боеспособности вооруженных сил центрального правительства и, соответственно, постепенного сокращения иностранного военного присутствия.

Официально Вашингтон демонстрирует сдержанный оптимизм относительно перспектив войны в Афганистане. Но оснований для этого нет. В частности, в сентябре 2009 г. телекомпания *NBC* процитировала командуящего операцией *Enduring Freedom* генерала Стэнли Маккрисала. Для военной победы, писал он в закрытом меморандуме, попавшем, однако, в прессу, требуется не менее полумиллиона солдат и пять лет упорных боев⁶. Планы генерала Маккрисала создать афганскую армию и силы безопасности численностью в 400 тыс. человек утопичны. В американских политических и экспертных

Б
В
Р
О
С
С
Б
Е
Ц
И
Р
О
Ц
П
Р
О
Х
Ы
В
И
Р
О
В
Ы
И
Р
О
В
Ы
И
Р
О
В
Ы

кругах высказывается озабоченность тем, что увеличение военного контингента снизит заинтересованность нынешних афганских властей в укреплении собственной армии и сил безопасности. Нарастивание военных усилий США в Афганистане вызывает двойственную реакцию в соседнем Пакистане. С одной стороны, там опасаются укрепления *Талибана* и *Аль-Каиды*, но, с другой стороны, озабочены тем, что действия США могут *выдавить* значительные силы талибов из Афганистана в приграничные районы Пакистана, усиливая там оппозицию правящему режиму. Но главное – операция в Афганистане деформирует систему внешнеполитических приоритетов США, отвлекает внимание и ресурсы от других регионов и направлений, не менее, а может быть, и более важных, чем Афганистан, лишает американскую политику необходимой свободы маневра. Однако признаков изменения стратегии США в отношении Афганистана пока нет.

 Е.Я. Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Уровень международной безопасности снизился. Среди негативных тенденций на Ближнем Востоке следует выделить события в Йемене, включая конфликт на саудовской границе, и продвижение Ирана в развитии своей ядерной программы. Ликвидация Махмуда аль-Мавхуха в ОАЭ и продвижение переговоров по санкциям в отношении Ирана можно отнести к позитивным событиям региона. Весной 2010 г. ситуация продолжит ухудшаться вследствие развития конфликтов в Афганистане, Йемене, Ираке и Сомали. Возможны операции израильской армии против движения ХАМАС в Газе и Хизбаллы в Ливане и обострение ирано-израильского противостояния.

Обоснованность растущего вовлечения США в Афганистан вызывает сомнения.

Вашингтон исходит из того, что победа талибов почти автоматически приведет к превращению Афганистана в убежище для *Аль-Каиды* и резкой интенсификации ее деятельности. Но эта точка зрения не учитывает двух принципиально важных обстоятельств. *Во-первых*, *Талибан*, опирающийся на пуштунские племена, – движение локального масштаба. Его цели ограничиваются созданием исламского государства в Афганистане. Талибы не поддерживают идею глобального джихада, пропагандируемую *Аль-Каидой*, хотя в случае победы они могут содействовать и *Аль-Каиде*, и исламским экстремистским группировкам, действующим в Центральной Азии. Это, разумеется, не может вызвать оптимизма. Но, *во-вторых*, основная террористическая угроза исходит сегодня не от лагерей и опорных баз *Аль-Каиды*, скрытых в заброшенных уголках исламского мира, а от ее ячеек и сотрудничающих с ними экстремистских исламских групп, действующих в Европе и США. Организаторами и зачастую исполнителями террористических актов являются не выходцы из глухих пуштунских деревень, а выпускники европейских и американских школ и университетов, в том числе достаточно престижных. А денежные активы *Аль-Каиды* и других исламистских организаций хранятся не в сундуках с золотом и алмазами, спрятанных в пещерах Тора-Бора, но на счетах вполне добропорядочных арабских и западных банков. Иными словами, главный театр борьбы с *Аль-Каидой* и подобными ей террористическими сетями находится отнюдь не в пустынных районах на границе Пакистана и Афганистана, но в мегаполисах Европы и Америки и столицах нескольких арабских государств. А главной ударной силой в войне с терроризмом являются не пехотные бригады и спецназ армии США, но антитеррористические подразделения полиции и служб безопасности, опирающиеся на агентуру, проникающую в экстремистские группировки.

ИРАН: МОМЕНТ ИСТИНЫ

Продвижение иранского режима к обретению ядерного оружия и неспособность международного сообщества остановить его вызывают ощущение надвигающейся угрозы.

Ориентация на политические и дипломатические методы решения этой проблемы, характерные для американской и особенно европейской дипломатии, оказываются неэффективными, поскольку тоталитарные режимы руководствуются не привычными для западного менталитета рациональными соображениями и представлением о компромиссе как наиболее желательном способе урегулирования противоречий, но иррациональными идеологическими мифами.

О настроениях иранской верхушки свидетельствует, например, недавнее откровение президента Махмуда Ахмадинежада: «Мир ожидают невиданные изменения; высокомерные уйдут, и путь к правлению Махди будет открыт»⁷. Приходу шиитского мессии, похоже, должны помочь иранские ракеты. Представитель высшего руководителя Ирана аятолла Али Хаменеи в Фонде иранских мучеников, некто Мохаммед Хассан Рахимьян, выступая по национальному телевидению, заявил: «Мы произвели ракеты, которые, если необходимо, позволят нам заменить Израиль во всей его полноте огромным холокостом»⁸. Это еще одно свидетельство того, что в Тегеране размышляют о том, не повторить ли гитлеровский опыт решения *еврейского вопроса*. Такого рода политические установки и идеологические догмы, доминирующие в иранском руководстве, приводят к тому, что попытки найти компромиссные решения (например, перенести обогащение иранского урана в иные страны) просто бессмысленны. Они воспринимаются как проявление слабости международного сообщества. Это, в свою очередь, стимулирует иранские усилия по созданию ядерного оружия. В итоге, переговоры между иранским руководством и группой шести (5 постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германия)

представляли и представляют собой бессмысленные клишированные диалоги, достойные пера Сэмюэля Беккета.

Принятое в конце 2009 г. решение иранских властей начать обогащение урана до 20% по сути дела ставит точку в дебатах о том, собирается ли Иран создавать ядерное оружие или нет. Об этом же свидетельствуют собранная и проанализированная МАГАТЭ информация технического свойства. В очередном докладе генерального директора МАГАТЭ от 18 февраля 2010 г. говорится:

«Информация, имеющаяся в распоряжении Агентства, <...> весьма обширна, и она в течение длительного времени собиралась из самых разнообразных источников. Кроме того, она в плане технических деталей, сроков проведения работ и участвующих лиц и организаций в целом последовательна и заслуживает доверия. Все это в совокупности вызывает озабоченность по поводу возможного существования в Иране прошлой или нынешней нераскрытой деятельности, связанной с разработкой ядерного боезаряда для ракеты. Эта предполагаемая деятельность состоит из ряда проектов и подпроектов, охватывающих ядерные и ракетные аспекты, которыми занимаются военные организации»⁹.

В итоге, к февралю 2010 г. у МАГАТЭ накопилось немало вопросов к иранским властям. С какой целью ведутся

 Уильям Поттер (США), профессор, директор Центра изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина Монтерейского института международных исследований – из интервью в Москве: Уровень международной безопасности за прошедшие три месяца остался практически неизменным. Из-за ухудшения ситуации вокруг иранской ядерной программы может показаться, что дипломатические методы решения проблемы тщетны. Растет угроза военного развития событий. Процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке не увенчался успехом, напряженной остается ситуация в Северо-Восточной, Юго-Восточной, а также Южной Азии. Среди других негативных событий – провал Конференции по разоружению в разработке договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия из-за позиций Пакистана. Позитивная тенденция прошедшего периода связана с тем, что позиции стран-участниц Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. стали более гибкими, а значит, можно ожидать позитивных результатов Конференции.

работы, связанные с высокоточными детонаторами, срабатывающими одновременно? Что означают исследования по инициированию бризантных взрывчатых веществ? Разрабатывал ли Иран сферическую имплозивную систему, возможно, с помощью иностранного эксперта, хорошо осведомленного в вопросах технологии взрывчатых веществ? Каковы цели проекта по конверсии UO_2 (диоксид урана) в UF_4 (тетрафторид урана), известного как «Проект зеленая соль»? Предназначались ли инженерно-технические проектные работы и исследования в области компьютерного моделирования, нацеленные на разработку новой конструкции камеры ракетной боеголовки, для ядерного боезаряда? Как связаны между собой различные попытки старших иранских должностных лиц, имеющих связи с военными организациями в Иране, получить соответствующую ядерную технологию и оборудование?

Характер этих вопросов ясно свидетельствует о том, что у экспертов МАГАТЭ имеются самые серьезные подозрения относительно военной направленности иранских ядерных усилий. Эти подозрения усиливаются в связи с тем, что «с августа 2008 г. Иран отказывается обсуждать с Агентством вышеупомянутые вопросы или предоставлять любую дальнейшую информацию и доступ (к местам нахождения и/или людям) с тем, чтобы снять эту озабоченность, утверждая, что заявления, касающиеся возможных военных составляющих его ядерной программы, являются необоснованными». Главный и единственный аргумент Тегерана состоит в том, что «информация, на которую ссылается Агентство, основана на подделках»¹⁰. Ничего более убедительного в Тегеране придумать не смогли.

В целом же к концу зимы 2010 г. ясно обозначились три возможных варианта дальнейшего развития событий вокруг Ирана. Первый – попытаться ввести эффективные, так называемые *травмирующие* или *парализующие* санкции против Ирана, прежде всего, прекратить экспорт бензина в ИРИ, обеспечивающий примерно 35% его потребления в стране. Эффект от прекращения этих поставок в полной мере неясен, но эксперты в целом склонны считать, что других более или менее эффективных мер невоенного воздействия на Тегеран нет. Кроме того, такие санкции продемонстрируют, что ведущие державы готовы перейти от слов к делу, что также может оказать воздействие на более или менее вменяемую часть иранской элиты. Вторым вариантом – военный разгром Ирана. Он не может быть ограничен уничтожением ядерных объектов и ракетных пусковых установок. Для того чтобы минимизировать опасность ответных действий Тегерана, необходимо в кратчайшие сроки вывести из строя все систему военного и политического управления и связи, разрушить ключевые компоненты вооруженных сил, не допустить блокирования Персидского залива и т.д. Для этого требуются массированные авиационные и ракетные удары, активные действия военно-морских сил вблизи иранских берегов, возможно, точечные действия спецназа. Однако полной уверенности в успехе такого рода кампании нет и быть не может. Наконец, третий вариант – признать неизбежность ядерного вооружения Ирана и попытаться минимизировать наиболее опасные последствия этого.

В этих условиях американский Конгресс принял законы, вводящие санкции против компаний, продающих Ирану очищенный бензин, осуществляющих грузовые перевозки в Иран и страхующих такого рода операции. Это сразу же вызвало негативную реакцию Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон. По ее мнению, упомянутые законы предполагают экстерриториальное применение американского законодательства, что противоречит соглашениям между США и ЕС. С юридической точки зрения это спорно. Но главный вопрос в том, что опаснее – нарушение некоторых не самых важных пунктов соглашений между США и ЕС или обострение ситуации вокруг Ирана, грозящее перерасти в военный конфликт?

Позиция Кэтрин Эштон, возможно, отражает интересы некоторых европейских компаний, заинтересованных в торговле с Ираном. Не исключено также, что ряд европейских стран предпочитает не обострять отношения с Ираном в надежде (к сожалению, наивной), что иранскую ядерную проблему можно решить дипломатическими мерами без применения жестких санкций. В целом же, линию Европейского Союза в отношении Ирана трудно назвать внятной. Высказывая вполне понятную озабоченность иранскими ядерными амбициями и признавая необходимость ужесточения санкций, ЕС одновременно пытается из-

бежать осложнений в отношениях с Тегераном. Но отсутствие эффективных санкций против Тегерана ведет к тому, что вероятность войны с Ираном возрастает.

СТАРОЕ ВИНО В НОВОЙ БУТЫЛКЕ, ИЛИ УКРАИНА ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Итоги президентских выборов, состоявшихся в Украине в феврале 2010 г., породили немало споров и различных, часто противоречащих друг другу комментариев. В частности, в Москве раздавались злорадные заявления о том, что проигрыш ненавистного российским политикам В.А. Ющенко означает провал и украинских демократических реформ, и планов вступления Украины в НАТО. Говорилось, что новый президент В.Ф. Янукович быстро отменит раздражающее российский истеблишмент решение о присвоении С.А. Бандере звания Героя Украины, прекратит расследование обстоятельств и причин голодомора и, радуется, с радостью продлит на неопределенное время пребывание Черноморского флота в Севастополе. Из этих утверждений относительно справедливо лишь то, что вступление Украины в НАТО откладывается на неопределенный срок. Это, однако, вызвано не столько победой В.Ф. Януковича, сколько позицией Североатлантического альянса, который пока не готов к принятию Украины в число своих членов. Все остальные появившиеся в Москве надежды – результат полного непонимания сути происходящих в Украине процессов.

Победа В.Ф. Януковича означает переход основных рычагов власти в Украине в руки нескольких крупных групп интересов, базирующихся на востоке страны и связанных главным образом с металлургической промышленностью. Их интересы никоим образом не совпадают с интересами российской металлургической промышленности. Более того, российские и украинские металлургические компании жестко конкурируют друг с другом. Украинские металлурги остро заинтересованы в снижении цен на покупаемый в России газ. Это не устраивает не только *Газпром*, но и российскую металлургию, поскольку может усилить конкурентоспособность украинских компаний на международных рынках.

Эти проблемы тесно связаны с вопросами транспортировки российского газа через территорию Украины, собственности на украинскую газотранспортную систему и строительства газопровода *Южный поток*. В.Ф. Янукович предложил создать трехсторонний – украинско-российско-европейский – консорциум, который получит в собственность украинские газопроводы, связывающие Россию и европейские государства. Такое решение не соответствует украинскому законодательству, но оно позволило бы реконструировать устаревшую и ненадежную в техническом отношении украинскую газотранспортную систему и смягчить споры между Россией и Украиной относительно цен на газ и его транспортировку в Европу. На первый взгляд, такое решение отвечает интересам *Газпрома*, который постоянно стремится приобрести газовую инфраструктуру за рубежом. Однако в Москве предложение нового украинского президента было встречено без всякого энтузиазма. Его осуществление означало бы отказ от крайне амбициозного и дорогостоящего проекта газопровода *Южный поток*, мощность которого, согласно нынешним планам, должна составить около 60 млрд куб. м газа в год. Если этот проект будет реализован, то совокупная пропускная способность *Северного потока* и *Южного потока* позволит России транспортировать практически весь газ в Европу в обход территории Украины. В итоге, Украина потеряет важный инструмент давления на Россию при решении вопросов о ценах на газ.

Любое руководство Украины не может не пытаться предотвратить строительство *Южного потока*. Окружение Януковича намекало, что если газовые интересы Украины будут приняты во внимание, то можно будет поговорить и о дальнейшем пребывании Черноморского флота в Севастополе. Но российское руководство, со своей стороны, никоим образом не готово отказаться от *Южного потока*, в том числе и потому, что этот проект курирует лично премьер-министр В.В. Путин. Таким образом, у нового руководства Украины пропадает какая-либо заинтересованность в том, чтобы идти навстречу интересам России по проблеме военно-морской базы в Севастополе. Следовательно,

В
Р
О
С
С
И
Е
Л
И
П
И
Х
Ы
В
И
Р
О
П
И
И

наиболее острая конфликтная проблема в российско-украинских отношениях сохраняется и может, в конечном итоге, привести к российской военной интервенции в Крыму, что, естественно, вызовет острый международный кризис с трудно прогнозируемыми последствиями.

Важно также, что победа В.Ф. Януковича не сделала его полновластным властителем Украины. Хотя в Украине и не сформировалась развитая и эффективная демократическая система, она не является авторитарным государством. В отличие от России, президент Украины не может единолично принимать принципиальные внешнеполитические решения, например, о вступлении в НАТО или о продлении базирования российского флота в Севастополе после 2017 г. Но еще важнее, что в Украине существует мощная оппозиция, во главе которой яркий харизматический лидер – Ю.В. Тимошенко. Гипотетическая попытка президента Януковича или стоящих за ним кругов пойти на более или менее серьезные уступки Москве, например, изменить конституцию для того, чтобы позволить России продлить пребывание флота в Севастополе, немедленно вызовет острую реакцию оппозиции и большей части населения западных областей страны. Это, в свою очередь, чревато крупным политическим кризисом, результатом которого могут быть досрочные выборы президента и парламента и повторение *оранжевой революции*.

Трудно предположить, что нынешнее руководство Украины готово предпринимать весьма рискованные шаги во имя сближения с Россией. В.Ф. Янукович, похоже, не собирается отменять даже достаточно спорное решение о присвоении С.А. Бандере звания Героя Украины. Иными словами, нет оснований ожидать, что во внешней политике Украины произойдут серьезные перемены. Несмотря на то, что различные группы украинской элиты жестко сталкиваются друг с другом в борьбе за власть, контроль над экономическими ресурсами и влияние внутри страны, их ключевые внешнеполитические интересы во многом совпадают. Они хотят сохранить независимость от России и *войти в Европу*, причем чем раньше, тем лучше.

ДÉJÀ VU, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ СССР

Международные события конца 2009 – начала 2010 г. еще раз продемонстрировали две особенности российской внешней политики.

С одной стороны, Москва довольно ловко пользуется заинтересованностью западных государств в сотрудничестве с Россией по энергетическим проблемам, Афганистану, Ирану и некоторым другим острым проблемам современной мировой политики. В Москве старательно поддерживают бытующие в западных политических и академических кругах иллюзии относительно того, что с Россией можно договориться по широкому кругу вопросов, если пойти навстречу российским интересам. В ряде случаев Кремлю удается добиться успехов. Так, в начале 2010 г. французское правительство приняло крайне спорное решение о продаже России вертолетоносцев класса *Мистраль* – мощных боевых кораблей, предназначенных для проецирования военной мощи и молниеносных десантных операций.

 Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений – по электронной почте из Москвы: Решение России и США не форсировать переговоры по договору, призванному заменить СНВ-1, продемонстрировало, что стороны готовы продолжать работу без суеты, не обращая внимания на давление внешних обстоятельств, что можно расценивать как позитивный фактор. Несмотря на подписание Договора в апреле, его ратификация в Конгрессе может оказаться проблематичной из-за вероятного перехода контроля над обеими палатами в руки республиканцев. Президентские выборы в Украине несколько снизили градус напряженности в отношениях Москвы и Киева. Возможно некоторое ухудшение ситуации из-за неспособности ведущих стран договориться по иранскому вопросу.

С другой стороны, российские подходы к актуальным проблемам международной безопасности, прежде всего, в Европе, становятся все более жесткими и агрессивными. Близкие к Кремлю пропагандисты запугивают европейцев перспективой новых войн на границах Европейского Союза. Так, в опубликованном российским информационным агентством *РИА Новости* в декабре 2009 г. докладе под названием «К новой архитектуре евроатлантической безопасности» без обиняков говорилось:

«Более того, и об этом нужно сказать прямо, возможность расширения НАТО на Украину, которое российской элитой расценивается как жизненно важная угроза ее безопасности, создало и сохраняет, пока эта возможность не будет закрыта, угрозу крупномасштабной войны в Европе с угрозой непредсказуемой эскалации»¹¹.

Очевидным издевательством выглядят направленные в НАТО в марте 2010 г. российские предложения по размораживанию ситуации вокруг Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ). Предлагаются отмена фланговых ограничений на территории России, скорейшая ратификация адаптированного Договора, присоединение к ДОВСЕ Латвии, Литвы и Эстонии, сокращение вооружений стран НАТО для компенсации потенциала, приобретенного в результате расширения Альянса и, наконец, требование начать модернизацию этого Договора «в духе идей Дмитрия Медведева по договору об общеевропейской безопасности» сразу после того, как адаптированный Договор будет ратифицирован. Трудно предположить, что в российском МИДе не понимают, что для стран-членов НАТО приемлемо лишь одно из этих требований – присоединение к адаптированному Договору прибалтийских государств. Вряд ли на Смоленской площади не знают, что создание российских военных баз в Южной Осетии и Абхазии перечеркивает перспективу сколько-нибудь серьезных многосторонних обсуждений с Россией проблем европейской безопасности, будь то ДОВСЕ или выдвинутая президентом Д.А. Медведевым идея заключения некоего Договора о европейской безопасности.

Эти действия российских властей, как и подходы к новому соглашению по стратегическим вооружениям и иранской ядерной программе – отдельные проявления более общей тенденции. Внешняя политика Кремля все больше воспроизводит внешнюю политику распавшегося Советского Союза с ее сочетанием жесткого давления, угроз, плохо продуманных пропагандистских инициатив, попыток игры на противоречиях между Европой и США и военных авантур в периферийных районах. Печально, что авторы этой политики не задумываются о том, что международные амбиции бывшего советского руководства стали одной из главных причин его поражения в холодной войне и распада страны. Вспоминается известная фраза Шарля де Талейрана, сказанная им о Бурбонах: «Они ничего не забыли и ничему не научились».

Подводя черту под обзором, стоит вспомнить, что характерный признак драматургии абсурда – сочетание фарса, бессмысленных, полных клише диалогов, ощущения надвигающейся угрозы и потери чувства реальности. Все это присуще ситуации, складывающейся на международной арене. И если нынешние тенденции сохранятся, если, в частности, политический реализм будет подменяться политической корректностью, а *wishful thinking* – заменять трезвый политический анализ, то предчувствие приближающегося ужаса окажется правильным.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

В конце 1990-х гг. много разговоров было по поводу марксистской концепции *базиса* и *надстройки*. Мол, эта концепция вносит ненужную, чрезмерную идеологическую окраску в развитие человечества, представляет его инвариантным, упрощает связь материального и духовного, не отражает демократических веяний. Конечно, были в этой концепции явные передежки, особенно в том, как она преподавалась и трактовалась

в хрущевские и брежневские годы, но есть некоторое ощущение, что в основе своей концепция-то была верной. И последние полгода дают нам массу доказательств этого суждения, причем доказательств наглядных, а порой и обидных.

К примеру, на фоне разговоров о затяжном экономическом спаде (а кризис, действительно, оказался существенно глубже, нежели это представлялось поначалу) все ключевые игроки занимаются двумя главными вопросами: *во-первых*, энергетикой, а *во-вторых*, зачисткой избыточных социальных обязательств.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПО МАРКСУ

Все развитые страны и большая часть стран, претендующих на укрепление своего международного статуса, в настоящее время занимаются решительным обновлением своей энергетической базы. Как правило, основой для этого становятся атомные энергетические технологии. В качестве примера мы можем привести и США, где началось строительство первой за последние 25 лет АЭС, и Китай, и Индию, и государства Юго-Восточной Азии, и Южную Корею. Серьезные дебаты относительно необходимости серьезно обновить энергетическую сферу начались в Германии, Франции и Великобритании, хотя в Европе по-прежнему надеются больше на возобновляемые источники энергии.

Пока никаких по-настоящему прорывных технологических решений не появилось, как и рано пока говорить о какой-то новой технологической платформе в энергетике (и это явно является фактором, существенно ограничивающим потенциал глобального экономического роста), однако основное направление уже понятно: в сторону от классических углеводородов. Тут можно долго и нудно спорить, насколько далеко в современной экономической системе можно уйти в сторону от классических углеводородов, но общую тенденцию можно считать бесспорной и неслучайной.

Так же глобальны и тенденции, касающиеся социальных обязательств. Не только в США реформируется система здравоохранения – пожалуй, самый тяжелый фактор глобальной неконкурентоспособности Америки. Такие же процессы происходят и в очень многих странах, которые считались ранее образцом социальной ответственности. И Франция, несмотря на колоссальное сопротивление, и Германия, и Италия, и даже скандинавские страны в той или иной степени начинают зачистку своих социальных обязательств. И делают это явно не только потому, что *тучные годы* закончились.

В этом плане Россия, где идет явственное и не слишком осмысленное раздувание социальных обязательств на фоне полного отсутствия каких-то вменяемых идей в области стратегического развития экономики и явного падения глобальной конкурентоспособности нашей страны, видится странной аномалией. Но нашей стране не привыкать быть исключением из правил, причем – с тяжкими последствиями для себя самой. Так что чем больше разговоров про модернизацию и чем громче эти разговоры, тем, вероятно, они будут более тяжкими. У нас забывают, что вопрос не в том, что Россия вот-вот выйдет из кризиса. Вопрос в том, чтобы понять, куда она выйдет.

Но если внимательно посмотреть на процессы в энергетике и то, что происходит в социальной сфере ключевых государств, то можно понять, что речь идет – кстати, совершенно по-марксистски – о *базисе* и о *надстройке*. С одной стороны, укрепляется базис, причем в форме, которая в целом снижает топливную зависимость большинства стран от внешних поставок углеводородов (и, значит, снижает внешнеэкономическую риск-ность экономического планирования в масштабах государства). А с другой, резко – конечно, в рамках понятных приличий – снижается уровень внутренних затрат государства, а значит, повышается его конкурентоспособность, но самое главное – геополитическая мобильность. А геополитическая мобильность – это, в конечном счете, свобода рук того или иного государства.

А теперь вопрос: когда и зачем государство предпринимает такие шаги? Правильно – когда не ждет от внешнего мира ничего хорошего, когда политическая элита в целом

(а то, что происходит в ключевых странах, не может происходить без определенного национального консенсуса) делает вывод, что впереди трудные времена: либо глобальный кризис, по сравнению с которым события осени 2008 г. – цветочки, либо серьезные внешнеполитические потрясения.

ИРАН: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Нет сомнений, что истоком современного цикла напряженности вокруг Ирана, который продолжается уже вообще-то 10 лет, является поведение Тегерана в ядерной программе. И, кстати, стремление получить собственный потенциал обогащения урана – далеко не единственный вопрос, который у Запада к Ирану был и есть, хватает и других претензий. Столь большое внимание к ядерной программе объясняется не только реальной значимостью данного вопроса для всей системы международной безопасности, но и тем, что вообще-то только МАГАТЭ формально является единственным органом, который может легитимно вмешиваться в дела этой суверенной страны.

Несомненно, ядерная программа Ирана вызывает большое беспокойство у всех его соседей и у тех стран, на исключительное право которых с точки зрения обладания ядерным оружием Тегеран посягает. Да и вообще, оказалось на удивление мало желающих увидеть Тегеран на мировой арене с атомной бомбой. Все это так. Но мы же понимаем, что дело не только и не столько в ядерной программе Ирана, хотя она, повторюсь, очень важна.

Ключевым вопросом, скорее, является то, с кем будет такое государство, как Иран, в той геополитической схватке, которая вот-вот может начаться на Ближнем Востоке. Думается, администрация Барака Обамы, может быть, и хотела бы отказаться от идеи американских неоконсерваторов, которая называется *большой Ближний Восток*; идеи, которая предусматривает коренной передел существующих границ (а вместе с ними – и ресурсов) в регионе с неизбежным *кровопусканием*. Вот только есть вопрос – достаточно ли у нынешних *жильцов* Белого дома сил и времени для того, чтобы остановить уже давно запущенные процессы? Поэтому, когда мы слышим разговоры о ядерной программе Ирана, мы должны четко понимать, что речь идет в действительности о власти в Иране, вернее, о том, чтобы ее изменить.

Итак, что же так заботит прогрессивное человечество в Иране и почему так важно изменить режим власти в этой стране? Тут есть несколько вер-

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая: Относительно стабильные отношения между мировыми державами и отсутствие серьезных причин, способных эти отношения ухудшить, обусловили неизменность уровня международной безопасности за последние три месяца. Главным вызовом стало объявление Ираном о начале обогащения урана до 20%. Это решение свело на нет все усилия группы международных переговорщиков по иранской ядерной программе. Похоже, попытки поисков компромисса на данном этапе уже не рассматриваются, тем более что *ястребиная* риторика со стороны Израиля только усиливается. Парламентские выборы в Ираке стали катализатором вспыхнувшей в стране волны насилия и терактов. Достижение перемирия между правительством Йемена и шиитской группировкой *Аль-Хути* можно расценивать как позитивный сдвиг в решении проблемы. Но для долгосрочной стабилизации ситуации мировому сообществу необходимо сосредоточить на стране более пристальное внимание. Представляется крайне сложным найти решения по всем трем аспектам, представляющим угрозу региональной безопасности, поэтому весной 2010 г. ситуация в регионе будет оставаться нестабильной.

сий, одна другой сомнительнее. Некоторые считают, что власть в Иране надо изменить, потому что *безумные аятоллы* способны спровоцировать крупный региональный конфликт и ввергнуть регион в мясорубку, подобную ирако-иранской войне. Это вряд ли – тут американские неоконсерваторы придают иранским религиозникам собственные черты. Иранские аятоллы даже на пике исламской революции в 1981–1982 гг. решились максимум на то, чтобы сплавить в Ливан некоторое количество неконтролируемого радикального элемента (большой частью – этнических арабов из провинции Хузестан, которая всегда считалась *проблемной*), чтобы те организовали там *Хизбаллу*. На большее ни Рухолла Хомейни, ни его еще более радикальные соратники не решились. Мораль: если иранские радикалы не решились на что-то глобальное тогда, вряд ли их преемники через 30 лет способны на что-то большее, нежели ритуальные разговоры об *исламской солидарности* и выделение вспоможения разным исламским группировкам (как правило, весьма нестрашным для США и других стран Запада). И вообще, современный иранский режим по степени внешнеполитической *отмороженности* – вполне умеренный, если сравнить его с Израилем, который, кажется, решил поссориться уже со всеми, с кем только можно. И, кстати, это не Иран напал на Ирак в 1979 г., а Саддам Хусейн, послушав своих западных покровителей, сделал одну из своих многих глупостей.

Говорят, что Иран, обладающий атомной бомбой или, как минимум, технологией ее изготовления, будет в силу внутренней нестабильности большой угрозой, в том числе и с точки зрения захвата ядерного оружия разного рода террористическими группировками. *Во-первых*, если говорить прямо, Запад эту самую нестабильность в Иране и устроил, и рассказы про *бурю народного гнева*, поднявшуюся после выборов президента Ирана, – для наивных. Любая буря только тогда превращается в бурю из зыби, если должным образом организована, подготовлена и оплачена. К тому же вряд ли Иран, даже если события там пойдут по жесткому сценарию, будет более нестабильным, нежели Пакистан, у которого и ядерное оружие имеется, и демократия какая-то странная, мягко говоря, с элементами ковровых бомбометаний по территории собственной страны. И все это не мешает Исламабаду оставаться важнейшим союзником США в регионе, причем таким союзником, которого очень хочется *сдать*, но нельзя. Совсем нельзя, и не только из-за атомной бомбы. А по сравнению с северными корейцами (которые, видимо, существенно более продвинуты в ядерных делах, нежели иранцы) даже нынешний иранский режим – оплот стабильности и прав человека.

Так в чем же корни того, что после явного затишья вокруг Ирана (в 2007 г. все ждали силовой операции против Ирана, которой не произошло, причем следующий 2008 г. и даже начало 2009 г. прошли сравнительно спокойно, иногда казалось, что США и Иран вот-вот договорятся) вновь началось обострение? Судя по тому, какое беспрецедентное давление оказывается на Москву и какие уступки США готовы пообещать Москве (пообещать, кстати, не означает затем их предоставить), игра пошла теперь серьезно и по-крупному.

Итак, почему? Что изменилось в Иране, да так изменилось, что смена власти тем или иным путем стала совершенным императивом для США и Запада?

И тут с некоторым удивлением понимаешь, что единственным значительным изменением последнего времени в Иране, на которое обратили внимание многие специалисты, стало то, что в иранском руководстве явно снизилось влияние тех самых *аятолл*. Это понятно, поскольку конфликт вокруг выборов президента при тщательном рассмотрении оказывается ничем иным как конфликтом внутри религиозной элиты. А реальная власть начала постепенно переходить к наиболее сильной группировке среди местных *силови-ков* – Корпусу стражей исламской революции (КСИР). Представляется, что в этом и состоит основная причина изменения настроений на Западе, прежде всего, в США.

Что же напугало Запад в приходе к фактической власти КСИРовцев? Ведь, казалось бы, вместо столь *неприятных аятолл* к власти придут сторонники сильной руки. Конечно, они не в полной мере понимают ценности демократии, но они куда более понятные с поведенческой точки зрения, явно куда более светские и по форме, и по сути, а в целом не сильно отличающиеся от той публики, которая ходила и продолжает ходить в союз-

никах у американцев по всему миру. Откуда такое неприятие, почти испуг? Вероятнее всего, дело в следующем: аятоллы были понятны и предсказуемы, они уже утратили запал идеологической экспансии и ограничивались лишь ритуальными призывами к джихаду. Главный их настрой заключался в стремлении любой ценой, даже ценой изоляции сохранить тот порядок вещей, который сложился после 1979 г. и обеспечивал их привилегированное положение в обществе и политической системе. Ни о какой экспансии речи не шло, более того, речи уже явно не шло (да и не могло идти) даже о претензиях на региональную гегемонию. И даже стремление развивать ядерную программу было средством, в конечном счете, охранительным. То есть, если разобраться спокойно, Иран накануне последних событий был куда менее экспансионистски настроенным, а значит, куда менее опасным для интересов США, нежели даже шахский Иран.

Кто-то скажет, что КСИРовцы и аятоллы – это одно и то же. Отнюдь. КСИР уже давно самостоятельный игрок, и этому игроку надоело идеологическое руководство со стороны преемников Хомейни, которые и близко не обладали той харизмой, которая была у него. Как в свое время представителям КГБ надоело пресловутое *партийное руководство*, после чего они решили *порулить*.

Мало того, что они явно настроены на куда более жесткое управление общественными процессами (напомним, что главной темой, которой КСИРовцы *мочили* либералов и на выборах, и после них, стала тема коррупции – своего рода *андроповщина* с национальной спецификой), при котором, естественно, возможности оказывать влияние на элиту извне существенно сократятся. Так, они явно лелеют – не могут не лелеять – серьезные геополитические амбиции, ибо открытость подразумевает несколько иной геополитический статус. Эти амбиции в действительности уже не связаны с глобальной исламской революцией, а, вероятно, лежат в русле политики последнего шаха. Иными словами, это амбиции превращения Ирана в государство, которое, как минимум, может диктовать свои правила игры в Персидском заливе, что для США куда более опасно, нежели становящиеся все более нудными разговоры о *джихаде*. Но главное – КСИРовцы будут куда менее предсказуемы, нежели режим аятолл, поскольку одно дело рассуждать об исламской революции вообще, а другое дело укреплять влияние, в частности, в зоне Персидского залива.

Можно предположить, что косвенным сигналом к тому, чтобы начать отодвигать религиозников в сторону, стало явно неадекватное поведение аятолл в отношении ситуации в Ираке, где фактически были утрачены рычаги влияния на местных шиитов. То есть аятоллы и связанные с ними политики (в определенной степени к ним можно отнести и нынешнего президента Ирана, и его предшественника, подаваемого теперь как крупного либерала) утратили колоссальный геополитический ресурс. Более того, они допустили ситуацию, когда этим ресурсом успешно стали управлять те, кто откровенно готовил силовую акцию в отношении Тегерана. То есть – американцы. Если подобный же *кульбит*, то есть утрата контроля над шиитскими общинами, произойдет и в Афганистане (а объективные предпосылки к этому начинают проявляться), то Иран вдруг окажется в ситуации почти полной политической изоляции и неприкрытости, ни с запада, ни с востока. И вот это уже крайне серьезно для всей нынешней иранской элиты.

Так что не исключено, что сейчас идет гонка за тем, кто быстрее сможет решить свои задачи. Либо американцы под прикрытием силовой акции поменяют нынешнее руководство на в перспективе более лояльное (насколько США удастся в долгосрочной перспективе контролировать этот процесс, конечно, большой вопрос), либо КСИРовцам удастся создать сравнительно устойчивый военно-технократический режим. И кто придет к *финишу* первым – пока не ясно.

А на фоне этой гонки вопрос о том, когда будет, наконец, достроена АЭС *Бушер*, – такая мелочь...

Ъ
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

СНВ: НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО ПОДХОДА

Главная проблема современной дискуссии о сокращении стратегических вооружений видится в том, что они ведутся в старой геополитической парадигме. Иными словами, мы пытаемся рассуждать о ядерном оружии и ядерном сдерживании в XXI в., основываясь на позициях 1970-х гг. И именно на старой парадигме мы пытаемся оценивать новое соглашение между Россией и США по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ), нещадно его критикуя. Слов нет, новое соглашение нельзя отнести к крупным успехам российской дипломатии, которых вообще в последние годы было немного, но и вселенской трагедией это соглашение также точно не является.

Интересно, что тем, кто профессионально не занимался вопросами стратегических ядерных сил (СЯС) и СНВ, проблема отсталости парадигмы контроля над ядерными вооружениями видится куда более ясно, ибо эти люди не находятся под воздействием *магии паритета*, этого триумфа советской власти, ставшего ненужным, нефункциональным, но крайне политически значимым атрибутом сегодняшней действительности. Ибо паритет (забывают, что он был не только и не столько ракетно-ядерный, сколько стратегический, а это более глубокое и широкое понятие), если не на деле, то на словах, является единственным обстоятельством, уравнивающим в геополитическом смысле Россию и США. Так вот, если отрешиться от *магии паритета*, ситуация в сфере сокращения стратегических наступательных вооружений начнет выглядеть куда более понятно, просто и, если хотите, цинично.

Собственно, в чем заключается главная задача российской внешней политики и военного строительства применительно к стратегическим наступательным вооружениям в современном постбиполярном, *постпаритетном* контексте? Наверное, в том, чтобы обеспечить уровень стратегической стабильности на минимально приемлемом уровне, то есть на уровне, исключающем возможность использования нашими американскими друзьями ядерного шантажа в качестве инструмента внешней политики. Вот и все, что нужно требовать от российских СЯС в современных экономических условиях и с учетом современного статуса нашей страны.

Переводя мудреные термины на простой язык, наша дипломатия должна обеспечить стране такие внешнеполитические условия, наша военная отрасль – наполнить эти условия таким военно-политическим содержанием, а наш ВПК – военно-техническим, что это все гарантировало бы, что даже в случае первого тотального удара Соединенных Штатов по позициям российских стратегических ракет и несмотря на развернутую эшелонированную ПРО континентальной части США наши доблестные ракетные войска смогли бы донести до мнения американской общественности такое количество боеголовок, которое бы делало мучительным, хотя и недолгим последующее вымирание американской нации, включая нелегальных иммигрантов. Каким должно быть это количество – этот вопрос и должен стать предметом дискуссии специалистов в области стратегических вооружений, но даже при первом взгляде понятно, что это число вращается вокруг цифры в 100 боеголовок, правда, существенно большей, нежели сейчас, мощности.

А если пойти чуть дальше, то можно и нужно сделать вывод о том, что в современных экономических и геополитических условиях решение этой задачи зависит не столько от количества боеголовок и их носителей, сколько от новой стратегии боевого применения этого оружия и его технических характеристик. И в результате окажется, что меры, которые, как представляется, должны быть предприняты для обеспечения стратегической стабильности в этих параметрах, также очень понятны и просты.

Прежде всего, необходима новая стратегия боевого применения СЯС. С одной стороны, она должна быть сориентирована на чистый ответный удар (опции первого и ответно-встречного удара, согласимся, для России пока не актуальны ни по политическим, ни по военно-техническим причинам), но также допускать и более гибкие варианты задействования потенциала СЯС – в формате дозированного и ограниченного применения. И это должна быть не только политическая декларация, на кои предыду-

щая история была богата. Это подразумевает существенные действия с точки зрения технических параметров применяемых боеприпасов и системы управления силами и средствами СЯС.

И тут, глядя правде в глаза, надо признать, что в условиях господства США на море и колоссальных возможностей Америки и ее союзников в сфере противолодочной обороны (ПЛО) морскую компоненту СЯС придется заранее *списать*. Если какой-то из наших подводных лодок, что с *Булавой*, что с *Синевой* – не суть важно, удастся продержаться до момента залпа, пусть это будет для наших американских партнеров приятной неожиданностью. Но в целом понятно, что морской компонент будет уничтожен в первые минуты возможного ядерного конфликта с США. Это означает, что наш морской компонент СЯС, конечно стоит развивать, но без фанатизма. Прежде всего, он нужен, чтобы сохранить знания и навыки, если хотите, *школу* на будущее, когда, возможно, Россия сможет себе позволить более расширенные варианты стратегической стабильности. И когда потенциал надводной части флота позволит подводным ракетноносцам спокойно выходить в Мировой океан.

То есть стоит вопрос о том, как надежно прикрыть наземный компонент СЯС. И как тут не вспомнить, что вообще-то первоначально системы ПРО разрабатывались в том числе и для того, чтобы защищать пусковые установки стратегических ракет. Может быть, вспомним и этот опыт, тем более что задача прикрытия полей пусковых установок наземных ракет не заставляет нас решать явно неподъемную для нашего ВПК задачу создания перехватчиков того же типа, что и в США – с обычными боевыми поражающими частями высокой точности. Вполне будет достаточно и ядерных головных частей, да и точность может быть несколько *попроще*. Конечно, пусковые установки СЯС должны быть прикрыты и от крылатых ракет, которые с учетом сильного авиационного компонента в СЯС США и колоссального количества крылатых ракет на подводных лодках, вероятно, являются одним из важнейших средств поражения наших СЯС, сравнимым со стратегическими ядерными вооружениями. Но, вообще-то, создание новой системы ПРО СЯС могло бы дать хороший толчок (если не сказать – пинок) нашему ВПК и стать источником тех самых передовых инноваций, которые так долго пытались создать, разрабатывая нано-крем для обуви.

Наконец, сам по себе наземный компонент должен быть технологически построен на таких технических принципах, которые бы позволяли осуществить быстрое наращивание числа забрасываемых боеголовок (по крайней мере, в два раза) в короткие сроки. В рамках сегодняшней парадигмы совершенно необязательно, чтобы эти боеголовки обладали высокими данными по точности. Достаточно того, чтобы хотя бы часть за-

 А.В. Кортунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы: Прошедшие три месяца можно охарактеризовать как вполне стабильные. Дестабилизирующих событий не наблюдалось, поэтому уровень международной безопасности не подвергся каким-либо принципиальным изменениям. Неспособность России и США своевременно подписать новый договор по стратегическим наступательным вооружениям – тревожная тенденция, но ничего критичного в ней нет, поскольку компромисс был найден к апрелю. Состоявшиеся выборы на Украине и их относительно спокойный исход – в числе событий, которые оказали наиболее позитивное влияние на состояние безопасности. Выборы не сопровождалась какими-либо эксцессами и не стали еще одним поводом для конфронтации с Россией. Возможно нарастание проблем у демократической администрации США. Америка готовится к промежуточным выборам, и критика администрации со стороны республиканцев будет только расти. Не исключены попытки различных радикальных сил использовать эту ситуацию для своей выгоды. Каких-либо серьезных опасностей для России и ее рубежей ожидать не следует.

брасываемых боеголовок была бы индивидуального наведения, а остальные могли бы быть рассеивающимися (такая технология изучалась в свое время в Великобритании). Недостаток точности можно будет компенсировать избытком мощности. А уж если в бюджете появятся дополнительные деньги, которые не освоют в процессе строительства очередной горнолыжной трассы, то можно будет побаловать себя и разного рода экзотикой, такой как маневрирующие боеголовки или баллистические ракеты воздушного базирования.

Если рассуждать здраво, то, конечно, этот подход является признанием утраты Россией военно-стратегического паритета с США. Вообще, это случилось уже давно, что никак не хочется признать публично. Конечно, этот подход означает изменение ментальности в сфере стратегических вооружений. Конечно, этот подход потребует существенных усилий и некоторых затрат, которые, однако, поверьте, окажутся в конечном счете сравнимы с теми, которые страна выбросит на *ярмарку тщеславия* в Сочи в 2014 г. Но если хотя бы обозначить движение по этому направлению развития стратегических сил, то и переговоры с США пойдут, вероятно, быстрее, и многие страхи и *фантомные боли*, терзающие российскую политическую элиту, улетучатся.

А паритет, конечно, жалко. Но эта ситуация как ничто другое доказывает, что надстрой-ки без базиса не бывает. Даже в эпоху победившего гламура.

США КАК ЕДИНСТВЕННАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

В начале нынешнего глобального экономического кризиса много говорили о том, что вот-вот произойдет закат США как значимой в геополитическом плане силы. Некоторые наиболее оптимистично настроенные политологи до сих пор ждут краха США, не забывая, правда, обновлять многократную американскую визу. Однако реальность несколько отличается от красивых обещаний. Скажем прямо, США, несмотря на весьма сложную внутреннюю обстановку и явное перенапряжение ресурсов, в целом выглядят неплохо. Они смогли провести вполне пристойные вторые выборы в иракский парламент. Понятное дело, что парламентарии – марионетки, что режим Талабани-аль-Малики держится исключительно на американских штыках и что ситуация в Ираке стратегически тупиковая (хотя и не столь тупиковая, как еще год назад), но, тем не менее, США смогли предьявить общественности вполне приличную картинку.

США удастся, несмотря на все проблемы, сохранять хотя бы видимость наличия в Афганистане коалиции, в которой членствуют не только представители Эстонии и Грузии, но и целый ряд вполне приличных государств, имеющих порой самостоятельный взгляд на развитие человечества. Более того, США удалось собрать достаточно внушительную группировку для того, чтобы изобразить наступление в провинции Гельменд. Понятно, что наступление носило, скорее, имитационно-демонстрационный характер и было направлено на то, чтобы продемонстрировать всему миру (и в не меньшей степени собственной публике), что Вашингтон сохраняет решимость довести дело борьбы с *Аль-Каидой* до конца. Но, тем не менее, группировка была сформирована, и она плохо или хорошо проводила операции на юге Афганистана (которые как-то внезапно прекратились после того, как был взят символически важный город Марджа и *вдруг* начали расти потери), которые можно было интерпретировать как успех.

США смогли недрогнувшей рукой, но скорее лаской и мягкими поглаживаниями в последние полтора года прекратить дискуссии о повышении роли европейских стран в НАТО, которые стали обыденностью в последние годы Джорджа Буша-младшего. Теперь мало кто в НАТО рискует не то чтобы высказать сомнение в *руководящей и направляющей роли США*, но даже помыслить себе худое на этот счет. Фактически американской администрации удалось вернуть ситуацию в Североатлантическом альянсе к ситуации конца 1950-х гг. Наверное, где-то в глубине души европейцам такое положение дел противно, но сделать они явно ничего не могут.

Даже в откровенно провальной истории о размещении в восточноевропейских сателлитах США систем ПРО Соединенные Штаты не просто смогли сохранить лицо, но и добиться весьма значительных внешнеполитических результатов, причем за существенно меньшие деньги, нежели этого ожидали некоторые европейские политики. А главное – теперь у Москвы куда меньше оснований подвергать сомнению возможные цели противоракет, нежели раньше, а у Вашингтона куда больше возможностей оказывать влияние на ситуацию в регионе Причерноморья, где теперь сконцентрированы несколько важнейших трубопроводных коридоров, питающих Европу углеводородами. Как говорится, мелочь, а приятно...

Иными словами, США сейчас втянуты в целый ряд крайне сложных внешнеполитических ситуаций, и не то чтобы блестяще их разыгрывают, но главное – дело обходится без каких-то значимых провалов. И в целом, как бы нам это ни было противно, действия американской администрации во внешнеполитическом контексте стоит оценить достаточно высоко.

И все это происходит на фоне крайне сложной внутривнутриполитической ситуации в США, связанной, прежде всего, с попытками реформировать все-таки крайне неэффективную и социально опасную систему здравоохранения, которые отнимают практически все усилия и ресурсы (организационные, как правило) президента Обамы. Последний, кстати, с трудом, но все же решил одну из наиболее важных для себя внутривнутриполитических задач – инициировал на законодательном уровне реформу здравоохранения США. Конечно, внутривнутриполитический успех дорого обошелся и, видимо, еще обойдется американскому президенту, но, тем не менее, это успех. Вот только вряд ли Обама и его непосредственное окружение могли позволить себе в условиях, фактически, внутривнутриполитического кризиса заниматься всеми теми сложнейшими внешнеполитическими ситуациями, о которых мы писали. К слову, когда президент Обама решил лично заняться раздуванием очередного кризиса в отношениях с Израилем, его ждало очевидное и очень обидное фиаско. Это так, штрих к портрету.

Отсюда вопрос – а кто же всем этим занимается? Ведь не происходят же значимые и содержательные действия США сами собой. Мы же не думаем всерьез, что игрой на стольких значимых внешнеполитических площадках занимается Хиллари Клинтон, которая явно не входит в узкое руководство и вряд ли допущена к участию в обсуждениях того, что действительно является американской внешней политикой. Она скорее олицетворяет публичную часть внешней политики, ее, так сказать, *человеческое лицо*. Но мы же знаем, что у американской внешней политики много лиц. Это явно не Роберт Гейтс, хотя очевидно, что это очень сильный игрок на вашингтонской площадке.

Назовем вещи своими именами: есть все признаки того, что в американском политическом (а правильнее было бы говорить – военно-политическом) руководстве существует альтернативный президенту Барак Обама центр выработки важнейших решений, а главное – доведения их до исполнителей. Причем центр этот контролирует, судя по всему, именно военно-силовую часть поля принятия решений. То есть обладает реальной властью. Мною уже была высказана гипотеза, что человеком, который в действительности *решает вопросы* в Вашингтоне, является Джозеф Байден, и за последнее время не появилось доказательств, что эта концепция неверна¹². Но, возможно, где-то во втором эшелоне вашингтонской администрации мы действительно просмотрели крупную фигуру масштаба Карла Роува, к которой тянутся все ниточки.

В любом случае, если поймем, кто входит и кто возглавляет этот альтернативный центр, то поймем, как он устроен, каковы его цели и логика поведения, – тогда и только тогда создадутся реальные условия для подлинной *перезагрузки* двусторонних отношений. Ибо тогда и только тогда мы поймем логику поведения и ближайшие геополитические задачи тех, кто в действительности правит единственной сверхдержавой. А ведь только тогда, когда мы это поймем, можно будет считать, что мы произвели реальную *перезагрузку* отношений.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Очередная российская военная реформа объявлена завершенной. Появился некий *новый облик* российских Вооруженных сил. Правда, ничего особо выдающегося, за исключением перехода на бригадную организацию войск, *новый облик* не содержит, но и этот аспект стоит того, чтобы сказать пару слов.

Критикам идеи перехода на бригадную организацию войск можно сказать: да, маловероятно, чтобы восторги, которые излучает нынешнее военное руководство России относительно бригад как основы сухопутных войск России, останутся актуальными через 10 лет. При условии, конечно, что наша страна сохранится как значимая военная сила в мире (но тут вопросы, скорее, не к Министерству обороны, а к политическому руководству и экономическим стратегам). Бригадная организация скорее характерна для развивающихся и слаборазвитых стран, которые собираются вести междоусобные войны, внутренние конфликты и подавлять бунты, а также тех стран, которые стоят во *втором эшелоне* крупных военных альянсов и которые свято уверены, что, *случись чего*, до них дело не дойдет. Все армии развитых стран, в конечном счете, действуют в составе дивизий, поскольку именно дивизия является единственно возможной боевой единицей для ведения крупного вооруженного конвенционального конфликта.

С другой стороны, а кто, собственно, решил, что Россия имеет право сейчас находиться в *первом эшелоне* крупнейших военных держав мира? К тому же объективно основные военные задачи нашей страны сводятся именно к выяснению отношений с некоторыми не в меру заносчивыми соседями, нежели к борьбе за мировое господство. На такое утверждение может быть способен человек, явно потерявший связь с реальностью.

Однако есть три фактора, которые на данном историческом отрезке времени оправдывают переход на бригадную организацию, помимо банального и не вполне корректного тезиса о том, что в обозримой перспективе Россия не будет вовлечена в крупный вооруженный конфликт (как знать, как знать...).

Во-первых, полноценная и полностью боеготовая бригада в любом случае лучше для обороноспособности нашей страны, нежели фиктивная дивизия, по своему составу больше походившая на потрепанный полк, причем с весьма низким уровнем обученности личного состава, который еще остался в части после строительных работ на генеральских дачах. В этом смысле бригадная организация куда честнее и ответственнее в государственном, если хотите, геополитическом плане, нежели видимость дивизионного потенциала, которая сохранялась и поддерживалась в последние годы.

Во-вторых, а много ли в нашей армии офицеров, которые смогут адекватно управлять военными структурами дивизионного размера и организации? Сомневаюсь, что таких офицеров после многих лет, мягко говоря, *творческого застоя* в российской военной организации наберется сотня-другая. Скорее всего, речь идет о десятках. А генералы, способные водить в бой дивизии, если и есть, то исключительно преклонного возраста. Так вот пусть наше новое офицерство научится – только хорошо научится – водить в бой бригады. А там, глядишь, дойдет дело и до дивизий.

В-третьих, особенностью дивизии как структуры (и опыт и СССР, и США, и ФРГ это абсолютно подтверждает) традиционно является большой удельный вес вспомогательных и обслуживающих подразделений. Иными словами, у классической дивизии не так уж много, если разобраться, *зубов*. А России сейчас нужны именно *зубы*, боевые подразделения, которые предназначены для того, чтобы уничтожать противника. К тому же в современных условиях бойцы, попавшие во вспомогательные подразделения, очень быстро окажутся, в лучшем случае, на грядках, а в худшем – на генеральских дачах.

Также очевидно, что именно сейчас происходят существенные сдвиги в военном деле, причем не столько с точки зрения насыщения войск разного рода компьютерными ресурсами и средствами автоматизации, сколько с точки зрения новых средств поражения. Они могут существенно изменить и характер боевых действий, и способы боевого применения ВС. Новая организация, предусматривающая более крупные, нежели бри-

гада, формы, может быть введена только на основе точного понимания этих новых моментов. А до того, как наши военные специалисты смогут адекватно оценить происходящую революцию в военном деле, наша страна как таковая сможет себе позволить создать новые средства поражения (а наш ВПК их все-таки произведет), бригада может быть вполне приемлемой формой существования наших сухопутных сил.

Другой вопрос, что в рамках данного формата военной реформы было бы неплохо подумать и о тех ситуациях, которые начинаются с самого страшного для военного эксперта и вообще специалиста, занимающегося вопросами национальной безопасности, слова *если*. Так вот, для того чтобы чувствовать себя уверенным, когда настанет *время если*, крайне необходимыми становятся несколько на первый взгляд элементарных, но на деле очень сложных вещей:

- Мобилизационный потенциал и боеготовый резерв. С этим обстоятельством вряд ли кто-то решит поспорить. Но надо понимать еще и то, что наличие боеготового резерва становится в современных условиях полноценным средством сдерживания, ибо демонстрирует потенциальному противнику и невнятному партнеру, что страна (в данном случае – Россия) может вести не только локальные конфликты.
- Система управления, способная к масштабированию, и более высокий уровень культуры управления войсками. Одно дело эффективно управлять сухопутными войсками в 350 тыс. человек, а другое – даже в 600 тысяч. Это подразумевает другое качество управления, другой уровень военной культуры, другие технические средства управления, другой уровень видения задач. В ящике с песком такую культуру получить вряд ли удастся. И дело тут не только в технических возможностях.
- Новое качество тактического ядерного потенциала. В условиях, когда российские силы общего назначения будут – если рассматривать их, как говорил Петька Василию Ивановичу, *в мировом масштабе* – относительно слабыми, хотя и эффективными (слабость их будет в том, что в случае серьезного конфликта войска быстро закончатся, простите за цинизм), тактическое ядерное оружие (ТЯО) станет единственным эффективным способом воздействия на более сильного противника, если, конечно, не доводить дело до глобальной ядерной войны. Однако мы также должны понимать, что с конца 1980-х гг. именно ТЯО было тем элементом ядерного арсенала, который развивался слабее всего, если вообще развивался. Отсюда мораль: в обозримой перспективе в ТЯО должны быть сделаны очень серьезные *инвестиции* – и финансовые, и организационные.
- Транспортный потенциал. Для того, чтобы *в случае чего...* продержаться хотя бы какое-то время, пока в дело не вступит отомобилизованный потенциал, наши вооруженные силы должны иметь возможность в течение недели (именно неделю заняло у Гейнца Гудериана и Федора фон Бока продвижение от Белостока до Минска) перебросить в любую (подчеркиваю – в любую!) часть нашей страны и окружающей ее действительности группировку в не менее чем 120 тыс. человек. Способны мы сейчас на такие, прямо скажем, подвиги? Маловероятно.

В сущности, зачем нам нужен потенциал если не действий, то хотя бы подготовки к действиям в условиях *большой войны*? А ведь для сегодняшнего уровня наших сил общего назначения *большой* станет вообще-то война, где будет участвовать более 350 тыс. человек, то есть по меркам Великой Отечественной войны – половина крупного фронта. Конечно, не затем, чтобы участвовать и тем более генерировать такие конфликты, а как раз затем, чтобы наши друзья и партнеры по всему миру понимали, что хотя наши силы общего назначения и не представляют какой-то глобальной величины, случись что – потенциальному агрессору или просто любителю поиграть на нервах мало не покажется.

КАК РАЗ ЭТО И НАЗЫВАЕТСЯ СДЕРЖИВАНИЕМ

Каждой исторической эпохе свойственна уникальная организация системы международных отношений, прежде всего, с точки зрения тех институтов, которые эту систему в той или иной степени регулируют. После Первой мировой войны (*империалистической*, как тогда говорили в СССР) возникла Лига Наций, которая, несмотря на всю ненависть к ней советских политиков всех мастей и историков, все же играла значительную и, в целом, положительную роль.

После Второй мировой возникла ООН, которая, правда, стала полностью адекватной (не путать с дееспособностью) только после того, как была сбалансирована возникновением НАТО и Организации Варшавского договора, а заодно и начавшим оформляться стратегическим паритетом. 45 послевоенных лет существовала определенная система институтов, причем всеобщих с точки зрения охвата и глобальных с точки зрения регулирующих прерогатив. Наконец, была пресловутая *Семерка*, которая в те времена действительно *решала вопросы*, а не *тусила* по миру в окружении буйных и не очень антиглобалистов.

После окончания холодной войны, которое привело к резкому, кардинальному изменению системы международных отношений, не возникло ничего.... То есть, конечно, были попытки адаптировать существующие международные организации к новым условиям, но они, в сущности, оказались неудачными. Сравните ООН 1970–1980-х гг. и сегодня: две, как говорят в Одессе, большие разницы, причем сравнение явно не в пользу нынешней. НАТО можно считать исключением, подтверждающим правило, если бы оно было исключением. В действительности, опыт применения НАТО как военно-политической организации в последние 10 лет говорит о том, что без США эта организация мало что из себя представляет – максимум, площадку для политологических дискуссий. Причем если в 1970–1980-х гг. США действительно нуждались в европейцах, ибо без них нельзя было обеспечить выполнение главной задачи НАТО – территориальной обороны, то теперь европейцы нужны Вашингтону, скажем, в Ираке или Афганистане исключительно из политических соображений, чтобы придать своим действиям минимально многосторонний характер. О каком реальном влиянии НАТО как организации в таком случае можно говорить?

Иными словами, человечество – во всяком случае, его относительно цивилизованная часть – уже 20 лет живет в условиях совершенного институционального вакуума. Ни одна из существующих международных организаций не является адекватной новым условиям. Почему США всячески противились институционализации *правил игры* в международных отношениях, понятно. Им было до поры до времени невыгодно замораживать ситуацию (а создание институтов в системе международных отношений означает как раз замораживание ситуации). Но вот почему остальные государства мира – и якобы единая Европа, и Китай, и Индия – как-то уклонялись от серьезных шагов в этом направлении, крайне интересно.

Ситуация в последние несколько месяцев существенно изменилась.

Теперь ясно, что США уже не прочь приморозить ситуацию и пойти на создание новых институтов в системе международных отношений. Об этом говорит та активность, которую развил Вашингтон в замене G-7 на G-20, правда, изящно сбалансировав это идеей G-2, которая в основном циркулировала на экспертном уровне, но явно при поощрении официальных кругов. Оно и понятно – экономический кризис четко показал американцам, что пик их влияния прошел и что не стоит рассчитывать на приращение влияния, а пора *собирать камни* и столбить то, что уже было захвачено. Да и западные европейцы, вероятно, пообщавшись со своими восточными собратьями, также стали более лояльны к идеям создания неких новых евроатлантических структур безопасности. Наверное, в странах *старой Европы* вдруг заметили, что Европа как-то незаметно оказалась оттесненной на периферию мировой политики и больше интересна своими нарастающими экономическими проблемами. И глядя на лица нынешних руководителей *единой Европы*, личностей подчеркнута бесцветных и беспросветных, понимаешь, что это не случайно.

И очень показательно то, что после того, как Россия фактически отправила ДОВСЕ на свалку истории, было много разговоров о катастрофических последствиях этого события, однако на деле ничего страшного не произошло. Не произошло вообще ничего. Мир больше интересуется, как глубоко *просядет* евро после дефолта Греции, а за ней – и Португалии. В условиях, когда европейский континент стал утрачивать свой статус, западноевропейцам вдруг стало неудобно. Выжать из себя прямое и публичное признание своевременности инициативы российского президента Д.А. Медведева западноевропейцы не смогли. Да и Вашингтон бы этого никогда не позволил. Однако же *пас* со стороны Москвы они явно приняли.

Но, с другой стороны, полностью пропал интерес к новым институтам в сфере глобальной безопасности и международных отношений у таких стран, как Индия, Китай, даже Япония, некоторых других государств, которые принято причислять к перспективным центрам силы. Причем Пекин не услышал не только российских инициатив, которые внешне вроде бы шли в русле китайского видения мира, во всяком случае, как оно излагалось в начале XXI в., но и явно подыгрывающей амбициям Поднебесной инициативы о создании некоей G-2, которая вроде бы должна была начать вершить судьбу мира. Китайское руководство не могло не понимать, что американское предложение – это не столько G-2, сколько G-1 и 1/2, в лучшем случае – G-1 и 3/4, но, тем не менее, это был существенный шаг навстречу Пекину. Но Пекин промолчал.

В последний год вообще перестали обсуждаться какие-либо концепции региональной безопасности, коих еще пять лет назад было множество. Не хочется думать, что *мудрый Восток*, оценив последствия мирового кризиса, пришел к выводу, что не стоит тратить усилия на то, чтобы создавать какие-то системы и организации, поскольку надвигающийся шторм их все равно снесет. Хочется думать, что *мудрый Восток* все еще раздумывает над идеями, которые идут с Запада. Хотя то, что КНДР пошла – явно осмысленно и продуманно – на серьезное обострение военной ситуации в регионе, свидетельствует об обратном.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Shakespeare William. The Tragedy of Macbeth. Act V, Scene 5, <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/macbeth.5.5.html> (последнее посещение – 20 марта 2010 г.).

 Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол, профессор университета Коломбо – по электронной почте из Коломбо: Непродуманные шаги администрации США по отношению к Китаю и, как следствие, нагнетание американо-китайских противоречий отразились на состоянии международной безопасности ее ухудшением. Китайское общественное мнение и политический истеблишмент страны уже рассматривают подобное поведение США как поведение потенциального противника. Усиление западной пропаганды по отношению к Ирану, провал процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке и рост напряженности вокруг мечети Аль-Акса – также в числе событий, наиболее негативно отразившихся на состоянии региональной безопасности. Среди позитивных событий следует выделить некоторые успехи сил международной коалиции и армии Пакистана в Афганистане. Весной 2010 г. международная безопасность будет зависеть от того, произойдет ли позитивная модификация американской ядерной политики. Успех международных коалиционных сил в Афганистане станет определяющим фактором развития событий весной 2010 г.

² Крамаренко Александр. Окончание *холодной войны*: обретение смысла. *Россия в Глобальной Политике*, № 1, 2009, январь–февраль, <http://www.globalaffairs.ru/numbers /36/11225.html> (последнее посещение – 20 марта 2010 г.).

³ Графики представляют собой усредненное значение данных, полученных при регулярных опросах общественного мнения в США, проводимых наиболее авторитетными американскими исследовательскими центрами. См.: National Job Approval: President Barack Obama. Political Surveys and Election Polls. 2010, March 30, [Http://www.pollster.com/Obama44JobApprovalr.php](http://www.pollster.com/Obama44JobApprovalr.php) (последнее посещение – 30 марта 2010 г.).

⁴ Иногда говорят, что численность американского контингента достигнет в 2010 г. 98 тыс. человек. Важно иметь в виду, что в результате ротации военнослужащих их количество постоянно меняется в пределах 3–5%.

⁵ С учетом решения Барака Обамы о направлении в Афганистан 30 тыс. военнослужащих. Финансовый год в США не совпадает с календарным, он начинается 1 октября текущего года. См.: Belasco Amy. The Cost of Iraq, Afghanistan and other Global War on Terror Operations. Congressional Research Service. Report for Congress, RL 33110, 2009, September, P. CRS-9; Belasco Amy. Troop Levels in the Afghan and Iraq Wars, FY2001-FY2012: Cost and Other Potential Issues, Congressional Research Service. Report for Congress, R40682, P. CRS-9.

⁶ Andrews Tom. Classified McCrystal Report: 500,000 Troops Will Be Required over Five Years in Afganistan. *The Huffington Post*, 2009, September 24, http://www.huffingtonpost.com/tom-andrews/classified-mcchrysal-rep_b_298528.html (последнее посещение – 30 марта 2010 г.).

⁷ Ahmadinejad: World Facing Tremendous Changes, Paving Way For Mahdi, *Press TV*, 2010, March 12, http://www.thememriblog.org/iran/blog_personal/en/25603.htm (последнее посещение – 30 марта 2010 г.).

⁸ Senior Iranian Official Mohammad Hassan Rahimian: Our Missiles Can Cause *Big Holocaust* in Israel. *MEMRI*. 2010, January 12, http://www.memritv.org/clip_transcript/en/2342.htm (последнее посещение – 30 марта 2010 г.).

⁹ Аmano Юкия. Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008) и 1835 (2008) Совета Безопасности в Исламской Республике Иран. Совет управляющих МАГАТЭ, 2010, 18 февраля, GOV/2010/10, С. 10.

¹⁰ Там же, С. 11.

¹¹ Караганов С.А., Бордачев Е.В. К новой архитектуре евроатлантической безопасности. Доклад российских экспертов к конференции дискуссионного клуба *Валдай*. Совет по внешней и оборонной политике. Лондон, 2009, 8–10 декабря, Стр. 7.

¹² Евстафьев Дмитрий. Глазами консерватора: Глобальная повестка дня сквозь туман кризиса. *Индекс Безопасности*, № 3–4 (90–91), Осень–Зима 2009, С. 174.